

DOI 10.15393/j9.art.2016.3801

УДК 821.161.1.09“18“

Оксана Александровна Сосновская*Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)*

sosna2679@yandex.ru

ОТ «СВЕТА ЗНАНИЯ» К «СВЕТУ РАЗУМА»:**ОБРАЗ ДЕТСТВА В ПРОЗЕ****И. С. ШМЕЛЕВА 1906–1910 гг.***

Аннотация. И. С. Шмелев начинал свой путь в литературе как детский писатель. Первые художественные опыты печатал в таких изданиях для юношества, как «Родник» и «Юная Россия». Аналитическим материалом для статьи послужили малоизученные ранние произведения писателя для детей и юношества, опубликованные в 1906–1910 годах. Сюжетные мотивы ранней прозы Шмелева зачастую повторяются, перекликаются друг с другом. Среди них основным является мотив «заветной встречи» ребенка со взрослым, становящимся для него наставником. В образах взрослых, помощников детей в выборе ими жизненного пути, выявляются черты самого главного наставнического образа в творчестве Шмелева — наставника духовного — плотника Горкина из поэмы «Лето Господне». Мотив служения людям, сопряженный с мотивом самопожертвования, — также один из ключевых в произведениях Шмелева 1906–1910 годов. Значимым образом ранней прозы писателя является образ книги, неоднократно встречающийся на страницах произведений для детей. Читающий человек изображается носителем высокой духовной культуры, передающим ее другим. Одно из характерных метафорических значений заключается в сравнении книги с самой жизнью, поэтому дорогие сердцу героев детские воспоминания неоднократно именуется писателем «светлыми страницами». Наиболее важными чертами художественного мира детства являются чуткость, способность детей ко внутреннему, духовному зрению, сердечная простота, чистота. Освещение сложного и многогранного процесса формирования человеческой души, поисков смысла, постижения законов жизни, соотношения в ней добра и зла с позиций духовности прослеживается даже в самых ранних произведениях Шмелева, что делает писателя одним из родоначальников традиции духовного осмысления детства.

Ключевые слова: И. С. Шмелев, раннее творчество, образ ребенка, сквозные образы, мотив, духовное осмысление детства

О образ ребенка является центральным во многих произведениях Ивана Сергеевича Шмелева, что говорит о значимости темы детства для писателя. «Люблю для детей работать»¹ — признается он в письме к К. И. Чуковскому. В 1900-е годы

писатель активно «работал для детей», публикуя свои первые художественные опыты в таких изданиях, как «Родник» и «Юная Россия». Существует множество работ (начиная от книги И. А. Ильина [2], современника И. С. Шмелева, и заканчивая трудами исследователей рубежа XX–XXI вв.: [4]; [5]; [6]; [9]; [17]; [19] и др.), посвященных детальному изучению образа ребенка, формированию человеческой души в процессе приобщения к православной духовной культуре в поздних произведениях писателя. Однако исследований, направленных на выявление семантики повторяющихся мотивов, сюжетных линий, сквозных образов в творчестве Шмелева 1900-х годов, во многих из которых прослеживаются первичные абрисы той православной художественной доминанты, в полной мере проявившейся в зрелом творчестве писателя, крайне мало. Попытка выявления таких мотивов и образов предпринята в главе «Будьте как дети» диссертации Л. А. Макаровой [11, 123–133], но анализ первых произведений писателя, созданных им сразу после его «возвращения» в литературу в 1905 году, дан кратко, схематично; некоторые ранние рассказы и повести автором исследования не упоминаются вовсе.

Мы обращаемся к произведениям 1906–1910 годов, созданных Шмелевым до повести «Человек из ресторана», считающейся переломным произведением, «когда писатель, все чаще уходя от разработки социальных мотивов, начинает отдавать предпочтение религиозной истине» [17, 39]. Это несколько рассказов и повестей для детей и юношества, к числу которых относятся следующие: «Служители правды» (1906), «В новую жизнь» (1907), «Мэри» (1907), «Последний выстрел» (1908), «Полочка» (1909), «Мой Марс» (1910), «Светлая страница» (1910), «Рванный барин» (1910). Также обратим внимание на произведения для взрослых того же периода и имеющие в себе схожую концепцию художественного осмысления детства: «Вахмистр» (1906), «По спешному делу» (1906), «Распад» (1906), «Гражданин Уклекин» (1908).

Большинство исследователей справедливо указывают на превалирование социального аспекта в раннем творчестве Шмелева, но, на наш взгляд, не он является определяющим в проблематике многих произведений писателя. Даже в самых

ранних произведениях автора проявляется его стремление показывать героя, в том числе и героя-ребенка, через призму духовности. Таким образом, Шмелев стал одним из родоначальников традиции духовного осмысления детства, «встраивания концепта “детства” в православную онтологию» [5, 83]. Духовный опыт детства, психологически тонко и точно воссозданный Шмелевым на страницах его произведений, выделяет писателя из числа авторов, обращавшихся к этой теме. И если в самых ранних произведениях понятие «духовность» более близко к светскому его пониманию, то от рассказа к рассказу оно постепенно трансформируется в понятие религиозное.

На страницах рассказов и повестей 1906–1910 годов, адресованных детям, зачастую встречаются своеобразные героиблизнецы. Такие герои появляются в повестях «Служители правды» (1906) и «В новую жизнь» (1907) — это мальчики Ося и Сеня. Их сближает возраст, тяжелые условия жизни, отсутствие полноценного детства, необходимость трудиться наравне со взрослыми. Повесть «Служители правды» открывается картиной ежедневной, рутинной и очень трудной работы, в которой практически на равных с отцом-сапожником участвует и маленький Ося. Автор параллельно изображает согнувшегося отца и принявшего такую же позу сына. Он так же, как и отец, худ, сгорблен, черен. Самый младший в этой семье, семилетний брат Оси, сидя у окна, ловит бьющуюся о стекло муху. Образ мухи — метафора безысходности, с помощью которой Шмелев заостряет ситуацию предопределенности судьбы детей бедного сапожника. Они, словно эта муха, попадут в паутину взрослой жизни, которая заставит их существовать в непреодолимых границах. В такую «замученную муху» превращается главный герой повести «Гражданин Уклейкин» (1908), в котором время от времени поднимается «протест против жалкого, тоскливого существования», но «истина, которую пытается высказать полупьяный сапожник, никому не нужна, а на самого Уклейкина смотрят как на потеху, не видя и не желая видеть страданий его растерзанной души» [7, 40], поэтому он снова и снова опускается «в тупое созерцание тоски»².

Как Уклейкин, отец Оси из повести «Служители правды», — тоже сапожник, целый день работающий у липки и так же заглушающий свою усталость спиртным. Он утратил способность творческого отношения к жизни, природе, присущую всем детям. Именно поэтому детское стремление своего талантливого сына к творчеству он считает чем-то лишним, пустяками, каракулями, мешающими мальчику помогать отцу в работе. «Ты мне сапоги справь, — это дело... А стенки-то чертить да в книжку смотреть — дело плевое» (2013, 69), — говорит Осе отец, «выбивая» колодкой или шпандырем из непокорного сына творческие порывы. Но в мальчике, как и в любом ребенке, заложена Божественная творческая сила, ищущая выхода. Он уже заглянул в «тайну изображения», и «она <...> манит и влечет к себе» [3, 178]. Ося не может отказаться от рисования, ставшего любимым делом. Именно поэтому попытки сапожника заглушить этот «дар Божий» (2013, 75) бесплодны. Здесь впервые проявились авторские интенции, в полной мере воплотившиеся в идею божественного происхождения подлинного искусства, творчества, развитую писателем в «Неупиваемой Чаше» (1918) [15, 385–386]; [16]; [12].

Божественное начало творчества подчеркивается писателем и в рассказе «Рваный барин», главный герой которого Василий Сергеевич Коромыслов, художник-самоучка, получивший за свой потрепанный вид обидное прозвище «рваный барин», чувствует в себе «святую силу»³ и рьяно мечтает построить «храм всесветный <...>, чтобы люди к небу больше смотрели» (8, 170). Герой-рассказчик, по прошествии прожитых лет вспомнив свои детские впечатления от восторженного рассказа «рваного барина» о его «воздушном храме», разгадал тайну душевного состояния художника — вдохновения — в момент охватившего его «волнения творчества» (8, 170).

Главного героя повести «В новую жизнь», мальчика Сеню, манит к себе иная «тайна» — тайна смысла, заключенного в книгах. Единожды осознав, что слова не только «звучат», но и <...> «означают» [3, 178], он уже не в силах расстаться с книгой — источником знаний, смыслов, увлекательных историй.

Книга — значимый образ в художественном мире Шмелева, неоднократно появляющийся на страницах произведений

писателя. Книги — неиссякаемый источник мудрости, в каждой из которых «часть сердца человека» (8, 97), ее написавшего. Для мальчика Сени из повести «В новую жизнь» они становятся «добрым могущественным другом», способным «вырвать из затхлой мастерской», поэтому стоит «только раскрыть» книгу, и тоска заменяется «сладким ощущением забытья» (2013, 302). Книги в художественном мире писателя — «живые» (8, 103). За каждой из них стоит человек, поэтому неуважение к книге равно неуважению к человеку. Таким образом, сакральная связь человека и книги становится мерилом «духовности / бездуховности» героев. Мальчик, главный герой рассказа «Полочка», увидев, как брат умершего дяди «швырнул <...> книгу», пришел от поступка в негодование, а потому «бережно поставил» ее на место (8, 104). Символическое наполнение образа книги в произведениях Шмелева восходит к библейской и христианской образности. Читающий человек изображается носителем высокой духовной культуры, передающим ее другим. Трепетного отношения к книге не лишены даже самые простые люди. Так, дворник Степан из рассказа «Полочка», принимая от дяди «Записки охотника» Тургенева, «вытянул руки, точно принял благословение» (8, 99).

Образ книги многогранен. Самым характерным метафорическим значением является сравнение книги с самой жизнью, потому неоднократно особенно дорогие сердцу воспоминания героев именуются писателем «светлыми страницами». Эта мысль рефреном повторяется как в заглавии рассказа «Светлая страница», так и во многих других произведениях Шмелева. Например, в повести «В новую жизнь»: «Чья-то властная рука вырвала из <...> жизни самую светлую страницу» (2013, 331); в «Рваном барине»: «Это была одна из светлых страниц моей жизни» (8, 151) и, наконец, в «Старом Валааме» (1935): «Я вспомнил светлую страницу — в прошлом» (2, 347).

Среди воспоминаний о прошлом героев Шмелева важное место занимают воспоминания о «заветной встрече» ребенка со взрослым человеком, что в художественной реальности произведений становится своеобразным толчком для духовно-нравственного развития юного героя. Потому образ наставника, часто встречающийся как в ранних, так и в зрелых

произведениях писателя, — один их ключевых и наиболее важных. Василий Васильевич, профессор ботаники, простой рабочий Кирилл Семеныч из повести «В новую жизнь», учитель рисования еврей Абель Мейер из «Служителей правды», дядя из «Полочки» — все они в той или иной мере заключают в себе черты (пусть иногда самые схематичные) самого главного наставнического образа в творчестве Шмелева — наставника духовного — плотника Горкина из поэмы «Лето Господне».

В повести «В новую жизнь» главным наставником для юного героя является профессор Василий Васильевич, который заражает мальчика жаждой знаний, стремлением посредством науки улучшить жизнь, познав ее физические законы. С другой стороны, Шмелев интуитивно в образе ученого-материалиста подчеркивает качества, в которых воплощаются евангельские слова Христа: «...кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее» (Мф. 16:25). Выдающийся педагог, психолог и богослов В. В. Зеньковский, поясняя евангельскую цитату, утверждает, что «живя для ближних, теряя себя в них, мы вступаем на высший, достойнейший путь нашего индивидуального развития» [3, 313]. Герой Шмелева, как неоднократно упоминает автор, ежедневно, «даже ночью» (2013, 326), упорно трудится «на пользу и счастье людям, дурным и хорошим» (2013, 335). Человек, живущий ради других, забывающий о своем здоровье, времени, удобстве, горящий желанием сделать что-либо для людей (а значит, и для Христа, который пострадал за этих людей), не теряет и растрчивает свою жизнь, а обретает жизнь вечную. Таков и художник-само-учка Василий Сергеевич Коромыслов, «творческий дух» которого находился в постоянном томлении, поиске, а потому в моменты, когда «однорукий и отрепанный художник» был охвачен «волнением творчества» (8, 170), он «работал, забыв <...> все на свете» (8, 174).

Мотив служения людям посредством интеллектуального труда — невидимого, но важного, — неоднократно встречается на страницах ранних произведений писателя. Так, герой-ребенок из рассказа «Полочка», узнав после смерти любимого дяди, что тот «много работал», очень удивился, поскольку

думал, что «работать» можно топором, пилой, быть кузнецом, пахать землю, служить в дворниках» (8, 103). Известие, что дядя все ночи напролет («до петушков») писал книги, становится для ребенка удивительным открытием и переворачивает сознание мальчика, делая дядю в определенной степени бессмертным: «Дядя писал книги!.. Значит, не совсем умер?..» (8, 103).

В рассказе «Письмо без марки и штемпеля» (1908) Шмелев так говорит о «невидимом» труде простого учителя: «Ведь он — учитель! Ведь он в этом одиноком домике, на краю села, делал огромное, хотя и незаметное, дело. Он вел к свету тысячи маленьких человечков. Здесь, как в лаборатории, приготавливал он их к жизни <...> пересоздавал их, раскрывал перед ними мир»⁴. И учитель, несмотря на почти полное отсутствие условий труда, будет вознагражден за благое, подвижническое дело. Д. И. Тихомиров, один из первых издателей Шмелева, прочитав описание заслуженной награды тяжелого учительского труда, цитировал отрывок из рассказа писателя на Педагогических курсах своим слушательницам, желая им «так потрудиться в жизни и такое же счастье пережить, как и старый <...> учитель»⁵.

Особого внимания заслуживает образ наставника из повести «Служители правды». Примечательна судьба этого произведения. После публикации повести в журнале «Юная Россия» в 1906 году журнал был изъят и запрещен к чтению в школах на полгода [14, 48]. Причиной послужил ракурс в освещении еврейской темы, осуждение антисемитизма, подобного которому не встречалось в произведениях того времени. Повесть рассказывает о любви и уважении мальчика к человеку, которого все, в том числе и его отец, считают плохим, неудобным, даже «грязным» из-за его национальной и конфессиональной принадлежности. «Жиды хуже пса» (8, 71), — неоднократно повторяет отец Оси. Чистоту души этого человека видит лишь ребенок, сам чистый и светлый душой. Евангельская любовь к жизни невозможна без детски чистого ее восприятия. Для евангельской любви совершенно неважно, какой национальности, вероисповедания человек, — и Шмелев говорит именно о такой любви и необходимости учиться ей у детей.

Первая встреча Абея Мейера и Оси состоялась на реке непосредственно в момент детского творчества, когда к мальчику подошел «сухой старичок, похожий на изображение в церкви» (2013, 72). Привнесение автором во внешность героя черт иконописного образа становится причиной отсутствия обычного детского страха перед незнакомыми людьми. «Сухое лицо старика», «сухие руки» — черты внешности учителя рисования, неоднократно повторяющиеся в тексте произведения. Следует отметить, что, начиная с этого образа, Шмелев будет изображать своих праведных героев с традиционной для иконописи аскетичностью внешних черт. Это поможет писателю посредством изображения «истонченной телесности»⁶ высветить «выражение духовной жизни»⁷. Подобное «худое лицо» читатель увидит у дяди из рассказа «Полочка», архитектора-самоучки из «Рваного барина», старого иконописца Арефия из повести «Неупиваемая Чаша». Наконец, таков плотник Горкин из «Лета Господня», «сухое» лицо которого «светится, как иконка» (4, 65).

Описания праведников в произведениях писателя, как правило, сопровождаются мотивом слез. Абель Мейер плачет, благословляя Осю, Горкин — после исповеди. Это слезы радости, благодатные слезы, слезы умиления перед благостью Творца. В рукописных материалах к повести «Служители правды» в первом слое правки есть размышления Оси перед первым посещением мастерской Мейера. Мальчик вспоминает слезы старика в момент их знакомства, что успокаивает его и окончательно располагает к старому живописцу, делая его в глазах ребенка почти святым:

...Ося остановился в нерешительности.

Нет! — решительно сказал он... У него такие добрые глаза, и он плакал даже... Он как святой⁸.

От «Божьего старичка» (2013, 145) Мейера Ося впервые после смерти «голубоньки-мамы» почувствовал ласку и внимание, получив уже при первой встрече благословение и одобрение своей любви к рисованию. В первый раз попав в мастерскую рисовальщика вывесок, мальчик вступает в нее «как в святылице» (2013, 73). Сравнение бедной мастерской с храмом, со священным местом делает это пространство сопричастным

высшим сферам. Символично, что в упоминаемом рассказе «Полочка» в комнате с книгами, куда с «тихим чувством благоговения» входил юный читатель, было «торжественно как в пустой церкви» (8, 96–97).

Другой значимой деталью крайне лаконичного описания облика героя-праведника является описание его глаз и взгляда, также отчасти созвучное иконописной технике, когда, по мысли Трубецкого, «духовная жизнь передается *одними глазами*»⁹. Подобного рода лаконичные описания внешности, сосредоточенные исключительно на изображении глаз, встречаются уже в самых ранних произведениях писателя и открывают галерею женских образов Шмелева. Так, «чудные, чистые глаза» племянницы «рваного барина», переживающей за горькую долю своего любимого дяди, были не просто похожи на «кусочки неба», но и «святы» (8, 207–208). Цветовая соотнесенность с небом, детскость, духовная чистота, просветленность, даже святость — устойчивые черты женского образа в творчестве писателя. Такова Анастасия Ляпунова из «Неупиваемой Чашы» с лицом «еще никем не написанной Мадонны», «неопределимые глаза» которой льют «радостное <...> сияние» (1, 413). Отражение внутренней духовности героя через описание его глаз особенно ярко и органично выразится у зрелого писателя в образе Дариньки, главной героини романа «Пути Небесные», в «лучистых глазах» которой светится «что-то <...> утерянное жизнью, оставшееся в легендах только и в житиях» (5, 123). «Женщина-дитя <...> вся чистая»,¹⁰ — такова концепция женского образа в творчестве писателя.

Для Шмелева неоспорима ценность детского во взрослом человеке. Евангельское: «будьте, как дети» — становится лейтмотивом уже с самых первых произведений писателя. Шмелев всегда подчеркивает детскость в других героях «в моменты, когда нужно указать на чистоту помыслов, бескорыстие, наивно-верные представления о справедливости» [6, 142]. Писателю дорога «детская душа» простого рабочего Кирилла Семеныча из повести «В новую жизнь» — «незлобивая, честная, прямая» (2013, 346). В рассказе «Мой Марс», взрослые, питавшие неприязнь к надоедливому псу Марсу, мешавшему

спокойному плаванью, в момент переживания за жизнь упавшей за борт собаки «вдруг почувствовали одно, всем общее, что таилось у каждого, далеко запрятанное, но такое теплое и хорошее, и на самое короткое время стали детьми... чистыми детьми»¹¹.

За часто отталкивающими описаниями внешней сущности героев скрывается слабое, едва различимое, но все же существующее духовно-нравственное начало. Так, Шмелев сострадает отцу Оси Кондратию, грубому, часто жестокому по отношению к собственному ребенку человеку, в сердце которого гордость за удачу сына будит простые человеческие чувства, «заглушенные тяжелой работой» (2013, 87). Сочувственные и выражающие понимание слова Мейера о причине злобы, пьянства и грубости отца, обращенные к Осе: «Темный он человек, несчастный... Оттого у него и сердце кипит. Бедность его заела» (2013, 76), — соотносятся с «типологически значимой для натуральной школы формулой “среда заела”» [1, 92]. Однако здесь следование исторической реальности и литературной традиции сопряжено с начинающей оформляться уникальной «творческой новацией Шмелева» [1, 95] — художественным изображением многообразия жизни с позиций духовности. В словах еврея Мейера, в сердце которого «жила любовь ко всем, кто страдает», отчетливо слышны сострадание, милосердие, любовь к ближнему. Для Шмелева, «не думавшего о религиозном тогда»¹² и вкладывавшего слова о милосердии и любви к ближнему в уста еврея, человека иной конфессиональной принадлежности, важно было подчеркнуть одну из главных опор любой веры — умение любить, уважать, чтить другие народы, вероисповедания, традиции. Узреть христианскую истину присутствия в каждом человеке подобия Божьего в художественном мире писателя призваны дети, обладающие внутренним, духовным зрением. Ося, регулярно терпящий от отца побои и слушающий от него грубости и ругательства, говорит: «Я знаю, ты добрый... только тяжело тебе жить... И я тебя, тятя, очень люблю...» (2013, 111), — чувствуя «жалость к этому гиганту, такому сиротливому, такому подавленному» (2013, 145).

Мотив внутреннего, духовного зрения, присущего детям, неоднократно встречается в произведениях Шмелева. Так, Ося, стараниями старого Мейера поступивший в московское художественное училище, признается в своих искренних чувствах любви и уважения суровому профессору живописи, «который ни с кем, как говорили, не ладил». Детская искренность обезоруживает и покоряет профессора, и лицо его становится «добрым и печальным» (2013, 133). В уже упоминаемом нами рассказе «Полочка» герой-ребенок, от лица которого ведется повествование о его трогательной дружбе с дядей, таким же почитателем книг, как и он, по-детски искренне удивляется мнению окружающих о том, что «у дяди нет сердца, что он черствый и “книжный” человек» (8, 100).

Чуткость детского сердца, его отклик на чужую боль, переживание этой боли как своей — важные черты художественного мира детства, подчеркиваемые писателем. О пронзительной чистоте детского сердца, способного видеть истины, скрывающиеся от взрослого разума, говорится и в рассказе «Рваный барин»: «Чутко детское сердце! И это сердце учуяло страдание, уловило по взглядам, по тону голоса, по тысячам мелочей, по положениям и событиям жизни это страдание. Человек страдает! Добрый и тихий человек. <...> Тогда маленькое сердце отозвалось и заныло» (8, 203).

Чутки дети и к миру природы, животным. В созданных в эти годы рассказах о животных образы детей лаконичны, но они играют важную роль в заострении идейного конфликта. Повесть «Мэри» — история старого жокея и его скаковой лошади, слишком рано отправленной на скачки, а потом надорвавшейся в борьбе за приз. Внук жокея, словно предчувствуя беду, в решающий момент пытается остановить деда: он плачет, пробует перегородить ему дорогу, эмоционально сообщает о том, что не нужны никакие деньги, пусть только Мэри останется с ними. Эти попытки по-детски просты и наивны, но, как и у всех прочих героев-детей Шмелева, предельно искренни и честны. После случившегося на скачках несчастья маленький Сенька, глядя на деда исподлобья, спрашивает его: «Дедушка, зачем ты уводил Мэри? <...> Она была здорова... Зачем ты уводил ее, зачем?»¹³. Автор намеренно

повторяет простой и лаконичный детский вопрос. Здесь обнажается крайняя эмоциональность и бесконечное сочувствие к бедному животному, принесенному в жертву. Старому жокею нечего ответить на вопрос внука, и он молчит.

В рассказе «Последний выстрел» подобной невинной жертвой становится ястребок, подстреленный из мести за похищенного им королька и медленно умирающий на глазах героя. Здесь, как и во всех произведениях Шмелева, героям присуща «крайняя степень исповедальности» [8, 32]. Практически весь рассказ — это почти непрерывающийся внутренний монолог, проникновенно и очень подробно описывающий душевные мучения рассказчика, его сожаление о напрасности жертвы и о неизбежности «последнего выстрела», который прекратит страдания обреченной птицы, но навсегда останется в памяти героя.

Азарт мести, постепенно сменяющийся раскаянием и сожалением, происходит и в душе 12-летнего мальчика Мишки, напарника героя-рассказчика по охоте: «Я понимаю, что и в Мишутке произошел переворот; еще недавно страстный гонитель и мститель, он, кажется, теперь готов остаться в лесу и сторожить ястребка». Мишка, узнав о смерти птицы, «замолчал и не высказал, что он думал»¹⁴. Возникающий мотив «говорящего» молчания символизирует способность детского сердца ко внутреннему зрению, близость к высшей истине, позволяющей распознавать подлинный смысл поступков людей. Это молчание тяготит взрослого, заставляя острее чувствовать боль от произошедшего. Герой-рассказчик, словно чувствуя эту обостренную детскую чуткость и прозорливость, избегает глядеть ребенку в глаза. Но от высшей, божественной справедливости, от «невидимого ока» не скроешься, ибо «оно внутри. <...> И нельзя уйти от него, заставить его замолчать»¹⁵. Здесь актуализован один из самых главных, по мысли Шмелева, «показателей» религиозности человека, его веры в Бога, которым является вера в промысел Божий [18, 40]. Это составляет основную суть христианского понимания промыслительного значения событий, происходящих в жизни. В повести «Служители правды» живописец Мейер, поддерживая и направляя мальчика на путь творчества,

постоянно повторяет мысль о подчиненности жизни Божьему промыслу, о покорности человека Божьей воле: «С нами Бог» (2013, 72), «будет так, как укажет Бог» (2013, 82), «теперь все в руке Божьей» (2013, 94). Ося сомневается, боится неизвестности, неуспеха, полного отсутствия средств на жизнь. Наставник Мейер говорит: «А Бог? <...> Он поведет тебя. Везде есть добрые люди...» (2013, 117). Старый еврей жертвует на благое дело, учебу мальчика в Москве, свои последние деньги. «Святой старичок» — называет его растроганный и поверивший в существование доброты, милости, какой-то иной «правды» отец Оси, Кондратий. Мейер, искренне верящий в «искру Божию», заложенную в мальчике, хочет «помочь <...> его таланту <...> служить людям» (2013, 76).

Служение людям и самопожертвование — мотивы, актуализованные и в повести «В новую жизнь» в эпизоде, когда Сеня узнает о смерти Семенова, студента, приютившего его в отчаянном положении. Семенов добровольно поехал в деревню на борьбу с тифом и погиб от заразной болезни. Профессор-наставник, объясняя мальчику с абсолютно материалистической точки зрения причину отсутствия смерти в природе, говорит: «Природа не знает смерти... Семя пропадает, дав растению жизнь... И все так... Помер Семенов, но не исчез бесследно. Его <...> бессмертный дух, образ его как хорошего человека, отдавшего себя за других, останется жить, не забудется. Ни одна жертва не пропадет даром...» (2013, 331–332). Таким образом, понятие «жертва» здесь на уровне подтекста восходит к христианскому его пониманию, перекликаясь с евангельской максимой о пшеничном зерне: «...если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12:24). Брошенное в землю зерно умирает, но из него рождается новая жизнь, множество новых зерен. Более того, подвижничество студентов воплощает одну из самых важных заповедей Христа: «Возлюби ближнего как самого себя» (Мф. 22:39). Студенты Семенов и Прохоров, узнав об эпидемии тифа, истово пожелали «ехать на помощь народу, о нуждах которого они всегда так горячо говорили. Сама жизнь звала их показать свою любовь на деле» (2013, 323).

Здесь впервые (пусть и на уровне подтекста) проявляется устойчивая тенденция художественной трактовки Шмелевым темы смерти с позиции христианского ее понимания. «Предстал, как... свеча» (2013, 334), — говорит о смерти студента литейщик Сократ Иванович. В данном контексте свеча становится символом человеческой души, перехода в жизнь вечную. То, что студент, расставаясь с земной жизнью, «предстал, как... свеча», говорит о его чистой душе, способной к состраданию, самопожертвованию (см. «Зажегши свечу, не ставят ее под спудом» (Мф. 5:15)). Безусловно, детское переживание трагедии смерти, преодоления ужаса перед ее тайной происходит не сразу и всегда драматично, болезненно, связано с резким взрослением героя. В повести «В новую жизнь», равно как и в вершинном произведении Шмелева «Лето Господне», в момент осознания ребенком смерти рядом с ним находится наставник. Символично, что в обоих произведениях семантическая нагрузка этого события равнозначна: «...утрата и завершение детства равноценны в своем абсолютном слиянии» [9, 70].

Писатель всегда стремится указать путь к принятию смерти через веру в воскрешение, в жизнь, которая рождается через смерть. Пережить и принять смерть друга Васьки в «Распаде» помогает герою детская вера в существование рая, в котором другу будет хорошо. Смерть лошади из «Светлой страницы», умершей благодаря заступничеству героя-ребенка естественной смертью, а не от тяжелой работы, воспринимается со светлым чувством грусти: «...было грустно, да... и все же было хорошо на душе» (8, 143). В рассказе «Рванный барин» остро переживающий смерть бедного архитектора ребенок засыпает с «умиротворенным сердцем», вспоминая слова няни: «Теперь смерти нет. <...> Смертью смерть поправ...» (8, 206). В рассказе «Полочка» дядя умирает «ночью, один на один с Господом Богом» (8, 102). «Радостная тайна» продолжения дядиной жизни в книгах, которые он написал, открывшаяся герою-ребенку, примиряет его с трагедией утраты любимого наставника: «Это вспыхнуло во мне и осветило, и согрело» (8, 103). Таким образом, верой в воскресение проникнуты даже самые печальные страницы произведений Шмелева.

Наивный, а потому чистый детский взгляд на мир контрастирует со взглядом и восприятием жизни взрослыми, отягощенным опытом, стереотипами. Так, в рассказах «Вахмистр» и «По спешному делу» эпизодические персонажи-дети, на которых смотрят взрослые, хотя бы на время дарят им покой, возвращая утраченную гармонию жизни, так как от детей исходят «лучи высшей красоты», что «делает детство идеалом человека» [3, 291]. В черновике письма к неизвестному лицу, имеющемуся в архиве Шмелева, писатель поясняет идею рассказа «По спешному делу»:

Он (главный герой — офицер. — О. С.) мог только просить поддержки, искать ее, бежать от навалившейся на него тяжести. И он бежит. Ему хочется забыть обо всем, опять вернуть прежнее чистое и дорогое. И вот полутемная детская отчасти дает ему это обманчивое успокоение. <...> Опять эти чистые детишки <...>, таящие в себе будущий мир, опять эти розовые ротки...¹⁶

«Розовый» — цвет, ассоциирующийся с детским, чистым, светлым. Символическое значение этого цвета, расшифровывающееся в соответствии с христианской символикой, проявилось уже в самых ранних произведениях Шмелева. Поэтому воспоминания героев о детстве и том теплом, что согревает душу взрослого человека, окутаны «розовой дымкой» (рассказ «Светлая страница» (8, 150)). В рассказе «Полочка» «розовым облаком подымается прошлое» (8, 106). В «Рваном барине» память о прошлом несет «маленькие розовые картинки» (8, 206), и «розовые волнения из нежного детства движутся <...> тихой волной» (8, 208). Цвет символизирует стремление к утраченной чистоте, высшему идеалу. Это отчасти и цвет святости. В «Богомолье» «он несет большую семантическую нагрузку и используется в создании образа Троицы (“розовая свеча колокольни”» [1, 59]. Ребенок-рассказчик в «Лете Господнем», описывая свои «легкие сны, из розового детства», в которых он видит «святого» Горкина, неслучайно подчеркивает его «розовую рубаху» и «старческие розовые щеки, и розовенький платок на шее» (4, 124).

Таким образом, даже в раннем творчестве Шмелев на страницах своих произведений пытается создать мир красоты,

добра, духовности. И именно дети как носители непреложных ценностей бытия, по мысли писателя, являются тем спасительным ориентиром, который может вернуть миру гармонию. Финал рассказа «Светлая страница» озвучивает лейтмотивную мысль творчества Шмелева: «Прошное, детское! <...> О, как надо беречь его, беречь это бесценное, детское!» (8, 146). Категория детства в художественном мире произведений И. С. Шмелева 1900-х годов содержит не только психологические и этические проблемы, но и важные духовно-нравственные вопросы. Явственна творческая установка писателя — воссоздать сложный и многогранный процесс формирования человеческой души, поисков смысла, постижения законов жизни, соотношения в ней добра и зла. Разобраться в сложностях жизни помогают детям их взрослые наставники. Детская чуткость, сердечная простота, способность к внутреннему, духовному зрению — главные опоры художественной концепции детства. Произведения писателя 1900-х годов наполнены ощущением значимости «света знания», еще не вытесненного «светом высшего разума», пронизывающим зрелое, православное творчество писателя. Для Шмелева детский взгляд на мир есть критерий предельной честности, открытости к жизни, что в свою очередь во многом определяет жизнерадостный пафос всего творчества писателя, его веру в возможность духовного преображения мира через попытку детски чистого его восприятия.

Примечания

* Исследование выполнено по гранту Министерства образования и науки России «Новые источниковедческие и текстологические исследования русской словесности XIX–XX веков» (№ 34.1126).

¹ Письмо И. С. Шмелева к К. И. Чуковскому от 25 октября 1911 года. Цит. по: «Ваша вещь поразительная» Из переписки К. И. Чуковского и И. С. Шмелева / публ., подгот. текста, предисл. и коммент. А. П. Черникова // Новый мир. 2007. № 7 [Электронный ресурс]. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2007_7/Content/Publication6_2090/Default.aspx (24.07.2016).

- ² Шмелев И. С. Гражданин Уклейкин // Дорога к солнцу: владимирский период жизни и творчества Шмелева. Владимир: Транзит-ИКС, 2013. С. 239. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием года издания и страницы в круглых скобках.
- ³ Шмелев И. С. Рваный барин // Шмелев И. С. Собр. соч.: в 5 т. Т. 8 (доп.): Рваный барин: Рассказы. Очерки. Сказки. М.: Русская книга, 2000. С. 176. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома и страницы в круглых скобках.
- ⁴ Рассказ «Письмо без марки и штемпеля» (1908) // Шмелев И. С. К светлой цели. М.; Пг., 1923. С. 15.
- ⁵ Письмо Д. И Тихомирова к И. С. Шмелеву от 20 апреля 1912 года // НИОР РГБ. Ф. 387. Карт. 9. Ед. хр. 44. Л. 4. Цитата приводится в современной орфографии.
- ⁶ Термин Е. Н. Трубецкого. См.: Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 372.
- ⁷ Там же. С. 375.
- ⁸ И. С. Шмелев. Служители правды // НИОР РГБ. Ф. 387. Карт. 1. Ед. хр. 22. Л. 7 об. Цитата приводится в современной орфографии.
- ⁹ Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. С. 377.
- ¹⁰ Так описывал главную идею образа Дарьи Королевой И. С. Шмелев в письме к Р. Г. Земмеринг от 3 августа 1947 года (цит. по: [13, 13]).
- ¹¹ Шмелев И. С. Мой Марс // Шмелев И. С. Мой Марс. М.: Сов. Россия, 1990. С. 37.
- ¹² Слова Шмелева из письма к Р. Г. Земмеринг от 19 декабря 1933 года по поводу замысла повести «Неупиваемая Чаша»: «Я рад, что она отвечает религиозным отзвукам на религиозный зов, как струна отзывается соответственно другой (в том же тоне). Я не думал о религиозном — тогда. Только вдолге после чувствовать стал, что на разные зовы отзывается — звучит «Неупиваемая», сколько у кого силы и желания... и вкуса». Цит. по: Иван Шмелев. «Я всегда жил сердцем...». Письма Раисе и Людмиле Земмеринг/ подгот. текста Н. В. Петрашовой, Д. Г. Шеварова, О. Н. Шохиной, вст. ст. Д. Г. Шеварова // Новый мир. 2004. № 11 [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2004/11/sh11-pr.html (22.07.2016).
- ¹³ Шмелев И. С. Мэри // Шмелев И. С. Мой Марс. М., 1990. С. 87.
- ¹⁴ Шмелев И. С. Последний выстрел // Шмелев И. С. Мой Марс. М., 1990. С. 115.
- ¹⁵ Там же. С. 112.
- ¹⁶ Черновик письма к неустановленному лицу, имеющийся в архиве Шмелева // НИОР РГБ. Ф. 387. Карт. 9. Ед. хр. 26. Л. 1–1 об.

Список литературы

1. Дзыга Я. О. И. С. Шмелев и М. Горький как продолжатели традиций: принципы натуральной школы в рассказах «Гражданин Уклеикин» и «Супруги Орловы» // Филология и человек. — 2012. — № 4. — С. 89–101.
2. Ильинъ И. А. О тъмѣ и просвѣтленіи. — Мюнхенъ: Типографія Обителѣ преп. Іова Почаевскаго въ Мюнхенѣ-Оберменцингѣ, 1959. — 196 с.
3. Зеньковский В. В. Психология детства. — М.: Academia, 1996. — 348 с.
4. Казанцева И. А. Категория детскости в онтологии И. Шмелева // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. — 2007. — Вып. 10. — С. 53–58.
5. Казанцева И. А. Концепт «детства» в системе ценностей современной культуры // Система ценностей современного общества: сб. материалов V Всеросс. научно-практич. конф.: в 2 ч. — Ч. 1. — Новосибирск, 2009. — С. 79–84.
6. Казанцева И. А. Традиция осмысления православия в контексте «детской» темы в творчестве современных русских писателей // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Серия: Филология. — 2009. — № 114. — С. 140–147.
7. Кияшко Л. Н. Повесть И. С. Шмелева «Гражданин Уклеикин»: образная типология // Вестник Московского государственного областного гуманитарного института. — 2012. — № 1. — С. 39–45.
8. Костылева И. А. Начало пути. Творчество И. С. Шмелева Владимирского периода // Дорога к солнцу: владимирский период жизни и творчества Ивана Сергеевича Шмелева. — Владимир: Транзит-ИКС, 2013. — С. 29–36.
9. Кудряшова А. А. Трагедия смерти у Толстого и Шмелева // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. — 2013. — № 4. — С. 65–70.
10. Лысенко Л. А. Отражение личной религиозности автора в описании русских традиций православных праздников в поэме в прозе «Лето Господне» И. С. Шмелева // Современные проблемы науки и образования. — 2014. — № 4 [Электронный ресурс]. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-lichnoy-religioznosti-avtorav-opisanii-russkih-traditsiy-pravoslavnyh-prazdnikov-v-poeme-v-proze-letu-gospodne-i-s-shmeleva> (29.07.2016).
11. Макарова Л. А. Воцерковленная Россия в художественном изображении И. С. Шмелева: Малые жанры прозы: дис. ... канд. филол. наук. — М., 2007. — 188 с.
12. Мельник В. И., Мельник Т. В. Об одном мотиве в повести И. Шмелева «Неупиваемая чаша» // Образовательный портал «Слово» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/37194.php> (22.07.2016).
13. Осьминина Е. Последний роман // Шмелев И. С. Собр. соч.: в 5 т. — М.: Русская книга, 2001. — Т. 5. — С. 3–15.
14. Сорокина О. Н. Московянина: Жизнь и творчество Ивана Шмелева. — М.: Московский рабочий, Скифы, 1994. — 400 с.

15. Соболев Н. И. К вопросу идиостилия И. С. Шмелева: на материале исследования лексического корпуса с корнем -рад- повести «Неупиваемая Чаша» // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. — Вып. 11: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. — Вып. 8. — С. 376–392.
16. Соболев Н. И. Тема творчества в повести И. С. Шмелева «Неупиваемая Чаша» // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. — Вып. 7: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. — Вып. 4. — С. 597–605.
17. Таянова Т. А. Творчество И. С. Шмелева как феномен религиозного типа художественного сознания в русской литературе первой трети XX века: дис. ... канд. филол. наук. — Магнитогорск, 2000. — 219 с.
18. Юдина Н. В., Лукьянова Е. А. Некоторые штрихи к «лингвистическому портрету» И. С. Шмелева: владимирский период // Дорога к солнцу: владимирский период жизни и творчества Шмелева. — Владимир: Транзит-ИКС, 2013. — С. 37–44.
19. Чумакевич Э. В. Духовно-нравственное становление личности героя в дилогии И. С. Шмелева «Богомолье» и «Лето Господне»: дис. ... канд. филол. наук. — Минск, 1993. — 196 с.

Oksana A. Sosnovskaya

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

sosna2679@yandex.ru

FROM “LIGHT OF KNOWLEDGE” TO “LIGHT OF NOUS”: THE IMAGE OF CHILDHOOD IN PROSE OF IVAN SHMELEV IN 1906–1910

Abstract. I. Shmelev began his literary career as a children’s writer. His first literary works were published in such editions for young people as “Spring” and “Young Russia”. The poorly studied writer’s early works for children and the youth, published in 1906–1910 became analytical material for the article. The story line motifs in Shmelev’s early prose are often repeated, aligned with each other. Among these recurring motifs, the basic one is the motif of a “cherished meeting” between a child and an adult who becomes the mentor for the former. The images of the adults helping children decide on their path of life, reveal the features of the essential image of a mentor and nurse of souls in Shmelev’s works, embodied in the image of the carpenter Gorkin in the novel “Summer of the Lord”. The motif of being of service to people, along with the motif of self-sacrifice, is the keynote of his works of 1906–1910. One of the main images of the writer’s early prose is the image of the book. A reader is portrayed as a carrier of high intellectual culture transmitting it to others. The semantics of the image is varied. One of the characteristic metaphorical meanings is comparison of the book with life itself. That is why the writer often calls precious

childhood memories of the heroes “bright pages”. Empathy, the ability of internal, spiritual sight, simple cordiality, purity are the important features of the artistic world of childhood. Highlighting a complex and multifaceted process of formation of the human soul, searching for meaning, comprehension of the laws of life, the ratio of good and evil from the standpoint of spirituality, can be traced even in the early works of Shmelev that makes the writer one of the founders of the tradition of spiritual understanding of childhood.

Keywords: I. S. Shmelev, early works, image of the child, transparent images, motif, spiritual understanding of childhood

References

1. Dzyga Ya. O. I. S. Shmelev i M. Gor'kiy kak prodolzhateli traditsiy: printsipy natural'noy shkoly v rasskazakh «Grazhdanin Ukleykin» i «Suprugy Orlov» [I. Shmelev and Gorky as the Successors of Traditions: The Principles of the Natural School in the Stories of “Citizen Ukleykin” and “Spouses Orlov”]. *Filologiya i chelovek*, 2012, no. 4, pp. 89–101.
2. Il'in I. A. *O t'me i prosvetlenii* [About Darkness and Enlightenment]. Munich, The Monastery of St. Job of Pochae in Munich-Obermenzing Printing, 1959. 196 p.
3. Zen'kovskiy V. V. *Psikhologiya detstva* [Psychology of Childhood]. Moscow, Akademiya Publ., 1996. 348 p.
4. Kazantseva I. A. Kategoriya detskosti v ontologii I. Shmeleva [The Category of Childishness in Shmelev's Ontology]. *Vestnik Tverskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Filologiya* [Herald of Tver State University. Series: Philology], 2007, issue 10, pp. 53–58.
5. Kazantseva I. A. Kontsept «detstva» v sisteme tsennostey sovremennoy kul'tury [The Concept of “Childhood” in the Value System of Modern Culture]. *Sistema tsennostey sovremennogo obshchestva. Sbornik materialov V vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [The Value System of Modern Society. Digest of the Fifth All-Russian Research and Practice Conference]. Novosibirsk, 2009, part 1, pp. 79–84.
6. Kazantseva I. A. Traditsiya osmysleniya pravoslaviya v kontekste «detskoj» temy v tvorchestve sovremennykh russkikh pisateley [Tradition of Interpretation of Orthodoxy in the Light of a “Children's” Theme in Works of Modern Russian Writers]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science. Series: Filology], 2009, no. 114, pp. 140–147.
7. Kiyashko L. N. Povest' I. S. Shmeleva “Grazhdanin Ukleykin”: obrzonnaya tipologiya [Ivan Shmelev's Story “Citizen Ukleykin”: Figurative Typology]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo gumanitarnogo instituta* [Bulletin of Moscow State Regional Institute of Humanities], 2012, no. 1, pp. 39–45.
8. Kostyleva I. A. Nachalo puti. Tvorchestvo I. S. Shmeleva Vladimirsogo perioda [The Beginning. Shmelev's Creative Work During Vladimir Period]. *Doroga k solntsu: vladimirskiy period zhizni i tvorchestva Ivana*

- Sergeevicha Shmeleva* [The Road to the Sun: Vladimir Period of Life and Work of Ivan Shmelev]. Vladimir, Tranzit-IKS Publ., 2013, pp. 29–36.
9. Kudryashova A. A. Tragediya smerti u Tolstogo i Shmeleva [The Tragedy of Death in Tolstoy's and Shmelev's Works]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya Filologiya* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian Philology], 2013, no. 4, pp. 65–70.
 10. Lysenko L. A. Otrazhenie lichnoy religioznosti avtora v opisanii russkikh traditsiy pravoslavnykh prazdnikov v poeme v proze «Leto Gospodne» I. S. Shmeleva [Reflection of Personal Devoutness of the Author in the Description of the Russian Traditions of Orthodox Holidays in the Poem in Prose “Summer of the Lord” by Ivan Shmelev]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Contemporary Problems of Science and Education], 2014, no. 4. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-lichnoy-religioznosti-avtorav-opisanii-russkikh-traditsiy-pravoslavnykh-prazdnikov-v-poeme-v-proze-let-gospodne-i-s-shmeleva> (accessed 29 July 2016).
 11. Makarova L. A. *Votserkovlennaya Rossiya v khudozhestvennom izobrazhenii I. S. Shmeleva: Malye zhanry prozy. Dis. ... kand. filol. nauk* [The Artistic Image of Russia in the Orthodox Reality by Ivan Shmelev. PhD. philol. sci. diss]. Moscow, 2007. 188 p.
 12. Meľnik V. I., Meľnik T. V. Ob odnom motive v povesti I. Shmeleva «Neupivaemaya chasha» [About One Motif in Ivan Shmelev's Short Novel “The Inexhaustible Cup”]. *Obrazovatel'nyy portal «Slovo»* [Educational Web Portal “Slovo”]. Available at: <http://www.portal-slovo.ru/philology/37194.php> (accessed 22 July 2016).
 13. Os'minina E. Posledniy roman [Last Novel]. *Shmelev I. S. Sobranie sochineniy v 5 tomakh* [Shmelev I. S. The Collected Works: in 5 Vols]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 2001, vol. 5, pp. 3–15.
 14. Sorokina O. N. *Moskoviana: Zhizn' i tvorchestvo Ivana Shmeleva* [Moskoviana: Life and Creative Work of Ivan Shmelev]. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., Skify Publ., 1994. 400 p.
 15. Sobolev N. I. K voprosu idiostilya I. S. Shmeleva: na materiale issledovaniya leksicheskogo korpusa s kornem -rad- povesti «Neupivaemaya Chasha» [On the Problem of I. S. Shmelev's Idiostyle: Based on the Study of Lexis with Root -rad- in the Short Novel “The Inexhaustible Cup”]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2013. Vol. 11: *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr* [The Gospel Text in Russian Literature of the 18th–20th Centuries: Quotation, Reminiscence, Motif, Plot, Genre]. Issue 8, pp. 376–392.
 16. Sobolev N. I. Tema tvorchestva v povesti I. S. Shmeleva «Neupivaemaya chasha» [The Theme of Creativity in Ivan Shmelev's Short Novel “The Inexhaustible Cup”]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2005. Vol. 7: *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr* [The Gospel Text in Russian Literature of the 18th–20th Centuries: Quotation, Reminiscence, Motif, Plot, Genre]. Issue 4, pp. 597–605.

17. Tayanova T. A. *Tvorchestvo I. S. Shmeleva kak fenomen religioznogo tipa khudozhestvennogo soznaniya v russkoy literature pervoy treti XX veka. Dis. ... kand. filol. nauk* [I. S. Shmelev's Creative Work as a Phenomenon of a Religious Type of Art Consciousness in Russian Literature of the First Third of the 20th Century. PhD. philol. sci. diss]. Magnitogorsk, 2000. 219 p.
18. Yudina N. V., Luk'yanova E. A. Nekotorye shtrikhi k «lingvisticheskomu portretu» I. S. Shmeleva: vladimirskiy period [Some Strokes to “a Linguistic Portrait” of Ivan Shmelev: Vladimir Period]. *Doroga k solntsu: vladimirskiy period zhizni i tvorchestva Ivana Sergeevicha Shmeleva* [The Road to the Sun: Vladimir Period of Life and Work of Ivan Shmelev]. Vladimir, Tranzit-IKS Publ., 2013, pp. 37–44.
19. Chumakevich E. V. *Dukhovno-nravstvennoe stanovlenie lichnosti geroya v dilogii I. S. Shmeleva «Bogomolye» i «Leto Gospodne». Dis. ... kand. filol. nauk* [Spiritual and Moral Formation of the Identity of the Hero in I. S. Shmelev's Dilogy of “Bogomolye” and “Summer of the Lord”. PhD. philol. sci. diss]. Minsk, 1993. 196 p.

Дата поступления в редакцию: 19.09.2016